КАЙ БЕЗГЕРДЫ

ЯГА

НЄ ЖИЛИ НЄ БЫЛИ

Кай Безгерды

Яга: не жили, не были

«Автор»
2026

Безгерды К.

Яга: не жили, не были / К. Безгерды — «Автор», 2026

Она — последняя Яга. Её род истреблён.Он — карлик, который врёт, что он рыцарь.Мора привыкла к тишине и одиночеству. Она идёт на Север, ведомая лишь поисками сестры, которую никогда не видела. А Шломо привык выживать и болтать без умолку. У них нет ничего общего. Мрачная ведьма, не терпящая лишних слов, и мелкий воришка, который боится собственной тени. Им не по пути. Но в мире, где люди порой страшнее монстров, вместе идти безопаснее.Мрачное славянское фэнтези о ведьме и карлике. Идеально для тех, кто любит «Ведьмака», но устал от одинаковых историй.

© Безгерды К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 : Рыцарь земель 6
Глава 2 : Утопленник 11
Глава 3 : Провожатый 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Кай Безгерды
Яга: не жили, не были

Пролог

Деревня спала. Десяток домов, крытых почерневшей соломой, жались друг к другу, будто искали тепла. Ветер трепал мёртвого ворона, которого повесили на заборе от сглаза и худа ещё в прошлую луну.

С холма было видно всё. Чёрный конь стоял неподвижно, как вырезанный из угля. Ни пара из ноздрей, ни хруста удил.

На нём сидел всадник, закутанный в плащ. Ткань истлела по краям и свисала лохмотьями. Лица видно не было — капюшон скрывал даже тень.

Всадник замер. Конь стоял без дыхания. Время загустело, как простокваша.

Он резко развернулся. Беззвучно — только плащ взметнулся и опал. Копыта шли без следов в мокрой траве, но трава под ними пожухла и почернела, будто по ней провели раскалённым железом.

Всадник ускакал в темноту. Звук копыт ушёл в землю, как вода в песок.

Ветер стих. Ворон на заборе замер.

Ночную тишину разрезал крик — высокий, женский, нечеловеческий от горя. В крайнем доме вспыхнул свет. Хлопнула дверь. Залаяла собака и тут же замолкла, подавившись лаем. Из соседних домов начали выходить люди — заспанные, перепуганные, в накинутых на плечи тулупах. Они молча смотрели, как мать, простоволосая, босая, стоит на пороге и прижимает к груди свёрток.

Свёрток не дышал.

— Проснись, — шептала она. Голос был сухим. — Проснись. Ну проснись же.

Младенец не просыпался. Лицо его было спокойным, будто он просто уснул и забыл проснуться.

Старуха-повитуха пришла первой. Ей не нужно было спрашивать — она всё поняла, едва взглянула на мать. Медленно, тяжело она подняла глаза к холму. Холм был пуст. Только чёрная полоса выжженной травы тянулась через него, как шрам.

— Безликие, — сказала старуха. Голос её дрожал, и она перекрестилась — не Единым Светом, а старым знаком, который помнили только в этих болотах. — Вернулись.

Мать не слышала. Она всё шептала и шептала, баюкая мёртвого ребёнка.

У самого подножия Белой Стены чёрный всадник продолжал путь. Копыта его коня не оставляли следов, но трава за его спиной умирала.

Он знал: след найден. Она где-то там, на юге. Последняя. И он ехал за ней.

Глава 1 : Рыцарь земель

Пьяные выкрики и звон бокалов доносились из старого бара в забытом богом месте на окраине Белогорья.

Дверь трактира открылась со скрипом. И тут же звук утонул в гуле голосов. Внутри было людно, дымно и шумно. Пахло кислым пивом и мокрой шерстью — сладковатым и неприятным, как старые дрожжи. Сальные свечи на столах оплывали, роняя капли воска на столешницы.

Никто не обернулся на дверь.

Шаги простучали от порога к стойке — тяжёлые, размеренные, уверенные. Только вот человека, который их издавал, видно не было.

Бармен — грузный мужик с обожжённым левым ухом и коллекцией монет под стеклом на стене — тёр кружку и смотрел в огонь.

— Бармен, плесни-ка мне болотной.

Трактирщик оторвался от кружки, повёл глазом поверх стойки — никого. Пожал плечами и дальше продолжил своё дело.

— Оглох, что ли?

Голос прозвучал резче, ближе. Бармен наклонился. У самой стойки стоял карлик — ростом чуть выше пояса, в потрёпанном камзоле с чужого плеча и рыжих штанах, заплатанных на коленях. На поясе болтался кинжал в ножнах.

— Мальчик, — сказал бармен, наклоняясь. — Детям тут не место.

— Своему сыну будешь так говорить. — Карлик ловко взобрался на табурет, подпрыгнул, пододвигаясь к стойке. — А мне годков побольше, чем тебе.

Бармен смотрел на него, не мигая. Потом пожал плечами.

— Так-то лучше. — Коротышка уселся, свесив ноги.

— Деньги-то у тебя настоящие? Или маленькие, как ты?

— Настоящие. Только будут завтра. Когда заказ выполню.

Бармен не выдержал и хрипло засмеялся.

— Заказ? На кого? На крыс охотишься?

Карлик помолчал. Потом залез в карман и достал монету — квадратную, с дыркой посередине. Гуорская марка. Тяжёлая. Он бросил её на стойку, и она звякнула о дерево.

— Лучше крыс убивать, чем пойло наливать.

Бармен усмехнулся, но монету взял. Повертел в пальцах. Потом налил — мутная зеленоватая жидкость заплескалась в кружке.

— Ты из КикимОр, что ли?

— Человек я. — Он взял кружку обеими руками. Пил осторожно, маленькими глотками, как пьют дорогое вино, а не дешёвую болотную настойку. Поставив её обратно, почти пустую, прохрипел важно: — Охочусь на чуку.

— На чуку? — бармен, не поворачиваясь, осматривал бокал на чистоту.

— У меня специальный меч, даже есть. — Карлик похлопал по кинжалу.

Через несколько столов, за спиной карлика, сидели рыцари. Пятеро. В тёмных плащах с гербом Гуора — скрещённые молоты на фоне горы. Они были громкие, грузные, много пили и ещё больше смеялись. Один из них, самый молодой, с рыжей бородой и шрамом через левую бровь, допил и повернулся к стойке — за добавкой. Увидев карлика, резко отвернулся обратно.

— Мужики, — перебил он гогот, — а не тот ли это коротышка, что в нас камнями кидался? Когда мы в Выселки заезжали?

Все пятеро обернулись.

Карлик сидел, перебирал ногами и цедил своё пойло, болтая с барменом.

— Точно он, — подтвердил второй рыцарь, постарше, с седыми висками и сломанным носом. — Пойдём спросим.

Стулья отъехали с грохотом. Доспехи зазвенели. Пятеро встали и решительно двинулись к стойке.

— …и тут я ей говорю: не бойся, Шломо никому не позволит обижать беззащитных, — карлик поднёс кружку к губам.

Рыцарь со сломанным носом наклонился к нему вплотную. От него разило перегаром и луком.

— Неужто никому?

Шломо сделал большой глоток и поставил кружку, натянув улыбку во весь рот.

— Ах вот и мои товарищи уже пришли.

— А что же ты не подошёл поздороваться со своими друзьями? — Рыцарь ухватился за спинку табурета и резко развернул его вместе с карликом. Ноги Шломо болтались в воздухе, не доставая до пола.

— Да думаю: вам там и без меня весело, а я здесь посижу, выпью за ваше здоровье.

— За наше здоровье? — Рыцарь поднял его руками, как куклу. — Пошли с нами. Посидишь. Будешь по столу ходить и эль нам наливать.

Остальные заржали. Молодой с рыжей бородой хлопнул себя по колену.

— Да вы и без меня справитесь, — затараторил Шломо, болтая ногами в воздухе. — Друзья, уже поздно. Мне вообще пора уже, не утруждайтесь. Я тяжёлый, можете надорваться. Возраст.

Рыцарь замер.

— Ты что, меня старым назвал?

Он повернулся к остальным.

— Он меня старым назвал!

Все закивали. Молодой даже присвистнул. Бармен вздохнул и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Только не в баре. На улице, пожалуйста.

— Ну я тебе сейчас покажу. — Рыцарь двинулся к выходу. Остальные повалили следом, предвкушая развлечение. Шломо болтался в захвате, как тряпичная кукла, и продолжал тараторить что-то про свой возраст, про чуку, про монеты и про то, что он, вообще-то, рыцарь.

— Поставь карлика на место.

Голос прозвучал из самого дальнего угла.

Тихий, ровный, без угрозы. Но он перерезал гул, как нож - масло. В трактире вдруг стало тише. Сальные свечи на столах замигали.

Рыцарь замер. Медленно с недоверием, шагнул к дальнему углу. Свет туда еле доставал — только смутный силуэт. Девушка в плаще.

— А то что?

Силуэт поднялся. Вошёл в полосу света.

Она была молода — на вид лет двадцать, не больше. Юное лицо, худые плечи, тёмные глаза, которые казались почти чёрными в полумраке. Плащ на ней был старый, вытертый до серости. Левая рука висела вдоль тела — в чёрной перчатке.

— А то домой не найдёшь дорогу, — сказала она. — Ведь дождь идёт, трава растёт, а ты будешь блуждать, пока земля тебя не примет, а трава не забудет.

Рыцарь моргнул. Улыбка сползла с его лица — медленно, как мёд с ложки. Пальцы разжались.

Шломо шлёпнулся на пол.

Рыцари резко повернулись и пошли к выходу, захлопнув за собой дверь. Звуки от доспехов удалялись прочь от трактира.

Шломо, кряхтя, снова полез на табурет.

— Да ладно тебе, мелкая. Я бы и сам с ними разобрался.

Девушка прошла мимо.

— Они вернутся, — бросила она на пороге.

И вышла в ночь.

Шломо проводил её взглядом. Потом посмотрел на бармена. Бармен посмотрел на него.

— Что это было? — спросил бармен.

— Понятия не имею, — ответил Шломо. — Но я жив, а это уже кое-что.

Он быстро допил, слез с табурета и направился к двери.

— Ты куда? — спросил бармен.

— Меня ждёт охота. Некогда мне. Некогда.

На улице было тихо. Деревня спала — ни огонька, ни звука, только ветер гулял по пустым улицам. Луна висела низко, и от неё было больше холода, чем света.

Шломо шёл по улице с кинжалом в руке, размахивая им в воздухе, выписывая восьмёрки.

— Я рыцарь Шломо! Рыцарь дорог… Нет, дорог — глупо. Я рыцарь земель!

Сзади в отдалении, залаяли собаки. Замелькали факелы. Послышались крики:

— Ищите его! Тому, кто найдёт, пятьдесят монет! Можно не живым!

— Ой-ё.

Шломо припустил. Едва не упав на мокрой траве, выругался и побежал быстрее. Сзади — топот, звон доспехов, лай. Факелы плясали в темноте, как злые духи.

— Он здесь! Лови! Не уйдёшь!

Свернув в густую рощу, лес подхватил его — мокрые ветки хлестнули по лицу, корни подвернулись под ноги. Карлик бежал, запыхавшись, и воздух вырывался из лёгких с хрипом. Крики преследователей доносились то слева, то справа — его окружали. Впереди открылся овраг — Шломо, не думая, прыгнул.

Кубарем покатился по склону. Ветки царапали лицо, трава забивалась за воротник. Он больно ударился плечом о корень, перевернулся ещё раз и, наконец, замер на дне оврага.

Перед ним стояла брошенная карета.

Старая, тёмная, без гербов.

Шломо оглянулся. Сверху у края оврага, мелькали факелы. Слышались голоса:

— Где он?

— К оврагу побежал!

Маленький человек рванул к дверце кареты и ввалился внутрь.

— Здесь карета.

— Старая. Смотри, чья она?

— Не знаю. Открывай.

Дверца распахнулась. Рыцарь заглянул внутрь — и ничего не увидел. Пусто.

— Дальше в лес побежал, — бросил он захлопывая. — Трус поганый.

Шломо открыл глаза выдохнув. А потом поднял голову.

Это была не карета.

Он лежал на деревянном полу в комнате. Бревенчатые стены. Низкий потолок. Полки, уставленные книгами и склянками — тёмное стекло, мутные жидкости, пучки сушёных трав, подвешенные к балкам. В углу — чан с водой, от которого шёл пар. В центре — камин, в котором горел огонь.

А перед огнём в кресле сидела та самая девушка.

Только теперь капюшон был откинут. Чёрные волосы рассыпáлись по плечам, и в них у самого виска, серебрилась белая прядь. Левая рука лежала на подлокотнике — без перчатки.

Костяная. Пальцы длинные, изящные, но под тонкой, как пергамент, кожей угадывалась кость, и она светилась — тусклым лунным светом, едва заметным в отблесках пламени.

— Ягааа, — протянул медленно Шломо.

Рука дёрнулась к кинжалу.

— Ты меня сожрёшь?

— Говорят, КикимОры невкусные, — ответила она не оборачиваясь.

— Да человек я! Человек.

Он убрал руку с кинжала. Поднялся на ноги. Огляделся. Комната была маленькой, но уютной — всё под рукой, всё на своих местах. На полках стояли не только склянки, но и книги — старые, в кожаных переплётах, с выцветшими корешками. Над камином висела связка сушёных цветов. У стены в углу стояло зеркало в тяжёлой раме.

Шломо сделал пару шагов. Половицы не скрипели. Он одобрительно покивал.

— У тебя тут уютно. Места много. — Он задрал голову, оглядывая балки. — Темновато, конечно. Но мне нравится.

Девушка встала и пройдя в другой конец комнаты, повесила плащ на крюк.

Шломо уже стоял у камина и трогал огонь — осторожно, одним пальцем и тут же отдёрнул руку.

— А он настоящий! И обжигается!

— Сейчас стражники уйдут — и ты свободен.

— Как это «свободен»? — Шломо повернулся всем телом. — Туда? Ночью? В лес? Я, конечно, рыцарь земель, но не ночных.

— Рыцарь земель? — она нахмурилась. — Каких же?

Шломо уже был у шкафа. Скрипнув дверцей, приоткрыл створку и смотрел внутрь.

— Спокойных. Тихих. Безопасных. — Шломо замер. На полке стоял горшочек, а в нём что-то аппетитно пахло. — А можно у тебя съесть вон тот прелестный мундир?

Она посмотрела на него. Взгляд был долгий, оценивающий.

— Бери.

Шломо уплетал за обе щеки, урча, как кот. Мора сидела у огня и молча смотрела на пламя. В камине потрескивали дрова.

— Я не знал, что Яги так вкусно готовят, — проговорил Шломо с набитым ртом. — И вообще, не знал, что вы ещё остались.

— Нет нас, — сказала она ровно. — Я последняя в роду.

Шломо перестал жевать. Проглотил.

— Жаль. Очень жаль. — Он помолчал. — А я думал, один такой.

Она подняла на него глаза.

— Что — такой?

— Без рода, — он пожал плечами.

Мора молчала. Долго.

— Ешь, — сказала она наконец и легла на кровать, закрыв глаза.

Шломо доел, облизал пальцы и устроился на полу у камина, поджав ноги. В камине догорало полено. Тени на стенах дрожали.

— А как ты прогнала этих вурдалаков? — не успокаивался карлик.

— Заговорила их. Но ты же видел, что они с Гуора. На них магия не действуют, а если и получается, то на очень маленькое время.

— Ладно, — продолжила девушка, не открывая глаз. — Завтра рассветёт — пойдёшь по своей спокойной, тихой земле.

Шломо помолчал. Потом встал. Шаги его простучали по половицам — туда-сюда.

— Я тут подумал, — раздалось над самым её ухом.

Она открыла глаза.

— Здесь как-то спокойнее, чем снаружи. Тебе наверняка нужен попутчик. Одной-то скучно. Доеду с тобой до следующей деревни. Там стражников нет.

— Я даже не знаю, как тебя зовут, — сказала она.

— Шломо! Рыцарь земель! — карлик поставил руки в бока, подняв грудь как можно выше.

— Угу. Спокойных, — она поджала губы и закатила глаза.

— А тебя как?

Яга немного замешкалась с ответом, но всё же решилась — Мора.

Пауза. Шломо покрутил имя на языке, пробуя его на вкус.

— Мда.

— Что значит «мда»?

Шломо сел обратно к камину, поджав ноги, и глядел в огонь. — Просто грубое имя для тебя. Мо-о-ора. — Он развёл руками. — Ты слишком хрупкая для такого, но ничего, есть имена и похуже. У меня был дядя, так у него вообще имя было…

— Давай спать, — перебила Мора и отвернулась к стене.

Шломо смотрел то на её спину, то на огонь.

— Знаешь, если меня поймают рыцари, — заговорил он, и голос его стал тише, серьёзнее, — я себя знаю. Однажды меня взяли в плен. Я им ничего не сказал. Первые пару минут. А потом выдал всё как на духу. У меня слаборечье. Спросят: «А как ты, Шломо, спрятался?» А мне что говорить? Сразу проговорюсь про карету и Ягу.

Мора повернулась к нему. Посмотрела на него. Он уже лежал на полу перед камином, подложив руку под голову, и смотрел в огонь.

— Я тебя спасла, — сказала она, — а ты, значит, так.

— Мы в ответе за тех, кого приручили. — Шломо зевнул. — А как карета завтра поедет без лошадей?

— Никак не поедет. — Мора резко отвернулась, плюхнувшись набок. — У меня здесь дело, — буркнула она. В ответ было только потрескивание огня и храп Шломо.

Глава 2 : Утопленник

Шломо проснулся оттого, что в камине умерло последнее полено. Холод, всю ночь терпеливо ждавший у порога, тут же просочился сквозь половицы и впился в левую ягодицу.

— Ай! — сказал он вслух и открыл глаза.

Над ним плыл потолок. Бревенчатые балки, тёмные от времени и копоти.

— Значит, не приснилось, — пробормотал Шломо.

Мора уже не спала. Она сидела у грубо сколоченного стола, спиной к нему — прямая, как клинок, который забыли вложить в ножны. Её руки двигались над сумкой: она укладывала туда свёртки с травами, полоски выделанной кожи, маленький костяной нож. Каждое движение было точным, выверенным, без единого лишнего звука.

Шломо проводил её спину долгим, изучающим взглядом.

— Яги вообще спят? — прохрипел он. Собственный голос показался ему чужим — скрипучим, как несмазанная петля. — Или висишь в углу, как летучая мышь? Только мыши хотя бы пищат. А ты — тишина с длинными волосами

Мора не обернулась. Её руки продолжали двигаться — свёрток, кожа, нить. Узел. Следующий.

— Доброе утро, — сказала она ровно.

Шломо сел. Вернее, попытался. Правая рука затекла и подломилась, — и тут же с размаху приложился макушкой о край стола. Не того, за которым сидела Мора, а низенького, прикроватного.

— Твою ж!..

Он потёр макушку, глядя на стол с личной обидой.

— Ты специально? У тебя тут всё для великанов, а не для гостей! Полки — не дотянуться. Стулья — не залезть. Стол — и тот норовит убить.

— Ты не гость, — сказала Мора не оборачиваясь.

Шломо наконец поднялся — А Поесть есть?

Она кивнула на шкаф, темневший в углу.

Шломо прошлёпал по половицам...

Он распахнул створку шкафа. Пахнуло деревом и сухой лавандой. На полке — хлеб, чёрный, с растрескавшейся коркой. Сыр с капельками влаги на срезе. Полоска вяленого мяса, тёмная, блестящая, твёрдая, как старая подошва.

— Знаешь, — сказал он, вгрызаясь в мясо и роняя крошки на грудь, — в приличных домах гостям подают завтрак. На подносе. С цветочком и салфеточкой.

— Ты не гость.

— Да, ты уже говорила. Между прочим, маленькие люди тоже хотят салфеточку с цветочком.

Дожёвывая мясо, он подошёл к кувшину с водой, стоявшему на лавке у стены. Зачерпнул горсть, плеснул в лицо — и тут же взвизгнул:

— Ледяная! У вас тут что, лето только снаружи?!

— Это талая вода. Из погреба.

— А предупредить?

— Так ты не спрашивал.

— Я не думал, что умывание — это испытание! — Он вытер лицо подолом рубахи. — Всё. Я готов. Почти живой. Относительно бодрый.

Он повернулся к Море. Она как раз затягивала последний ремешок на сумке. Шломо набрал воздуха в грудь — и выпалил:

— Ну что. Поехали в деревню, где нет этих рыцарей?

Мора затянула ремешок. Резко. С сухим щелчком.

— Мы никуда не едем.

Кусок мяса застрял у него в горле. Он прокашлялся.

— Как это — В каком смысле? Я что, по-твоему, гриб, тут стоять?

— Я говорила тебе вчера. У меня здесь дело.

— Ох, беда бедовая, — он всплеснул руками. — Ну ты иди, работай. А я тут посижу. Камин посторожу. Мне не привыкать — я как-то три дня просидел в бочке, и ничего, жив остался.

— Карета становится домом, только когда я внутри. Без меня это просто повозка.

— Можешь остаться в лесу, подождать меня

— В лесу? — Шломо оглянулся на дверь. — Там же... деревья. И звери. И всякое... что ест таких, как я. На завтрак. Без цветочка и салфеточки.

Мора поднялась. Плащ выпрямился, открывая тёмную одежду. Она была не худой — поджарой, как волчица зимой.

— Тогда идёшь со мной.

Шломо открыл рот, вздохнув — глубоко, от диафрагмы, так что плечи подпрыгнули.

— Ладно. Твоя взяла, костяная. Но мне нужно прикрытие, вдруг рыцарей встретим.

Он заметил на краю сундука детское платье. Выцветшее, с вышивкой по подолу — красные петухи клевали синие цветы. Шломо взял его в руки. Подозрительно повертел.

— Чьё? Твоё? Ты в детстве была... мелкой?

Мора молчала.

— Ладно. Не хочешь — не говори. Но если я превращусь в тыкву, это будет на твоей совести.

Он натянул платье через голову. Рукава тут же взбунтовались — левый вывернулся наизнанку, правый застрял где-то на уровне уха. Ткань облепила лицо, мир исчез. Шломо закружился на месте, дёргаясь и чертыхаясь:

— Всё! Я умер! Меня съело платье! Скажи моей маме, что я... — он споткнулся о собственный башмак и рухнул на пол. — Ай!

Из кучи ткани высунулась взлохмаченная голова. Глаза Шломо сверкали праведным гневом.

— Это было покушение. Платье пыталось меня убить.

Он выпростал руки, одёрнул подол и встал. Платье сияло на нём, как на огородном пугале, — криво, косо, левое плечо сползло, подол волочился по полу, петухи на вышивке выглядели пьяными.

Шломо упёр руки в бока, выпятил челюсть, скосил глаза и сделал книксен. Получилось что-то среднее между реверансом и падением.

— Я твоя сестрёнка. Бедовая девка.

Мора обернулась. Её взгляд медленно пропутешествовал от растрёпанной головы до ботинок, торчащих из-под подола.

— Все же догадаются — Сказала Мора, накидывая капюшон на голову.

— Ошибаешься. — Шломо скорчил рожу — такую, что петухи на вышивке, казалось, зажмурились. — Я буду очень страшной девочкой. Такой, что никто не захочет всматриваться. Будут отводить взгляд

Он сделал шаг к двери, наступил на подол и чуть не упал снова. Устоял чудом. Гордо вскинул голову:

— Ну? Чего ждём? У тебя там работа. Идём спасать кого-нибудь.

Мора открыла дверь кареты, и в проём хлынул лес — целая вселенная запахов: нагретая хвоя, влажный мох.

Шломо спрыгнул на землю, подобрав подол, и тут же провалился ботинком во что-то мягкое и мокрое. Гриб.

— Прекрасно, — сказал он, вытирая ногу о траву. — День начался с гриба. Это точно знак.

— Я не знала, что КикимОры суеверные? спросила Мора, идя впереди.

— Да человек я — Шломо засеменил за Морой.

Солнце пробивалось сквозь кроны косыми золотыми столбами. Шломо, подобрав подол, шёл за Морой, перепрыгивая через корни. Платье цеплялось за кусты, петухи на подоле клевали придорожную крапиву, а сам Шломо трижды споткнулся и один раз чуть не улетел в овраг, который умело притворился кучей листвы.

— Тут что, лес или полоса препятствий? — пропыхтел он, выдёргивая подол из колючек. — Корни — раз. Ямы — два. Паутина, между прочим, — три. Я её ртом снял.

— Ты сам хотел идти, — бросила Мора через плечо.

— Я хотел идти своей дорогой. А это не дорога, а заговор против маленьких людей. Здесь даже муравьи — и те выше меня.

Она не ответила. Только чуть замедлила шаг. Самую малость. Но Шломо заметил.

Лес вокруг них менялся. Сперва это было незаметно — просто деревья, просто мох. Но чем дальше они уходили от каретты, тем влажнее становился воздух и тем тише пели птицы. Сперва исчезли зяблики. Потом замолчала зарянка. Тишина нарастала, как вода в трюме.

— А где лошади? — спросил Шломо, просто чтобы разбить эту тишину.

— Гуляют

— Как это — гуляют? Ты их отпускаешь? Как собак?

— Они прячутся от людских глаз. Когда я позову — вернутся.

— А если не вернутся? Что, если они встретят дикую кобылицу и решат, что ведьма — это, знаешь ли, не предел мечтаний?

— Они вернутся.

В её голосе не было сомнения. Только констатация факта — твёрдого, как земля под ногами. Шломо хотел спросить, что именно мешает лошадям мечтать о свободе, но тут лес кончился.

Деревья отступили в стороны, как расступившаяся толпа, и впереди, за полосой кустов шиповника и крапивы, открылся край деревни.

Шломо замер на краю поляны, подобрал подол и огляделся. Десяток домов. Крыши просели, кое-где из труб поднимался дым — ленивый, серый. Дома спускались к болоту уступами. Над тёмной, маслянисто поблескивающей водой поднимался туман, густой и белёсый.

Пахло тиной, мокрой землёй и чем-то сладковатым — гниющими цветами, стоячей водой, разложением. Шломо поморщился

— Мне это не нравится, — сказал Шломо.

— Тебе никогда ничего не нравится.

— Ошибаешься. Мне нравится сыр. Мне нравится, когда за мной не гонятся. И мне очень нравится, когда деревни звучат как деревни, а не как склепы.

Мора остановилась, оглядела околицу. Её ноздри чуть дрогнули — она тоже что-то почуяла.

— Идём, — сказала она. — Нас ждут.

— Вот скажи мне, — проговорил он, понизив голос, — у вас, ведьм, есть что-то вроде... профессионального нюха? Ты заходишь в деревню и такая: ага, здесь мертвец, тут проклятье, а вон там творог прокис?

— Творог здесь не прокис, — ответила Мора не оборачиваясь. — Его здесь нет. У коров молоко пропало месяц назад.

— Это ты так... поняла? По запаху?

— По тому, что у околицы стоит пустой хлев. И из него не пахнет навозом. Уже месяц.

Шломо принюхался. Действительно. Навоза не пахло. Вообще. Только тина

И они двинулись к околице, где играли дети.

Трое. Босые, чумазые, в длинных рубахах не по росту. Они перекатывали друг другу тряпичный мяч, и тот падал на землю с глухим, безжизненным стуком — не «плюх», а «шмяк», будто внутри у него был песок, а не тряпьё. Дети не кричали. Не смеялись. Один поднимал мяч, катил обратно, второй ловил, и так — монотонно, как заведённые.

Когда Мора и Шломо поравнялись с колодцем, самый младший из детей — девочка лет шести, с косичками, перевязанными серой бечёвкой, — подняла голову. Её глаза расширились. Она не закричала. Не побежала. Просто попятилась, спряталась за сруб колодца и выглядывала оттуда — не из любопытства, а из страха. Так прячутся от грозы.

Двое других — мальчишки постарше — замерли с мячом в руках. Старший, с облупленным носом, хмуро посмотрел на Мору и сплюнул через плечо. Не на землю — именно через левое плечо, туда, где, по поверьям, стоит нечистый. Жест был машинальным, заученным. Так их научили взрослые.

— Привет, дети! — радостно оскалился Шломо. — Какие вы все... тихие. Играете? Мячик катаете? Это хорошо. Мы с сестрёнкой тут... э-э... грибы собираем. Идём, сестрёнка?

Он дёрнул Мору за край плаща. Та не двинулась. Она смотрела на детей — спокойно, без улыбки, но и без угрозы. Просто смотрела. Девочка за колодцем всхлипнула. Старший мальчик опустил глаза и пробормотал что-то.

— Ты их пугаешь, — шепнул Шломо.

— Я ничего не делаю.

— Вот именно. Ты просто стоишь. И они уже готовы закопаться в землю.

— Это не я их напугала. Это болото.

Мора отвернулась от колодца и пошла дальше, к крайнему дому. Шломо потрусил следом, на прощание состроив детям рожу — не злую, скорее ободряющую. Девочка спряталась обратно за сруб.

— Прекрасно, — бормотал он себе под нос. — Меня боялись стражи, меня боялась одна вдова в Пятиречье. Но чтобы дети... Это у меня впервые.

— Ты в платье, — напомнила Мора.

— А. Точно. Может, в этом дело?

— Нет. Они смотрели больше на меня.

— Ну... ты тоже не подарок. Извини за честность.

У крайнего дома их уже ждали.

Дом был самым большим в деревне, но и самым приземистым — врос в землю по самые окна, будто его вдавила чья-то тяжёлая ладонь. Крыльцо покосилось. Над притолокой, прямо над дверью, был воткнут старый ржавый нож — лезвием вверх, в дерево. Оберег. Чтобы покойник не переступил порог. Рядом висел пучок рябины, уже пожухлый, но всё ещё красный.

— Нож в двери, — заметил Шломо. — Гостеприимно.

— Это не нам-Ответила Мора, подходя к дому.

Женщина стояла на пороге, одной рукой держась за косяк. Лет сорока, но выглядела старше: худое лицо, заострившиеся локти и ключицы, проступающие из-под выцветшего сарафана. Тёмные круги под глазами были такими глубокими, что казались впадинами. Она вытирала руки о передник — машинально, раз за разом, хотя руки были уже сухими.

Шломо заметил ещё кое-что. Её губы шевелились. Беззвучно.

Она смотрела на Мору.

— Ты Яга? — голос у неё был сиплый, как у человека, который долго молчал или долго кричал.

— Да.

Вдова выдохнула — судорожно, будто ей только что вернули воздух. Плечи опустились, руки замерли на переднике.

— Мне сказали... Сказали, ты поможешь. Я уже не знаю, к кому идти. Бабка-повитуха от меня шарахается. Священник говорит: молись. А я месяц молюсь. Месяц.

Мора окинула взглядом дверь, нож в притолоке, пучок рябины.

— Рябина старая. Её надо менять каждую неделю. Эта висит уже три. Нож хороший, но он не поможет, если ты сама его зовёшь. И второе блюдце у печи — тоже не поможет.

Вдова вздрогнула.

— Я не зову. Я... я не хочу, чтобы он приходил.

— Но ты его ждёшь.

Это был не вопрос. Вдова опустила глаза. Её пальцы снова затеребили передник — закручивали ткань в жгут, отпускали, закручивали снова.

— Проходите, — сказала она и отступила вглубь дома.

Мора шагнула через порог. Шломо — за ней, подобрав подол и на всякий случай пригнувшись. Когда он проходил мимо ножа, ему показалось, что лезвие чуть дрогнуло. Но он не был уверен. Может, просто сквозняк.

Дверь закрылась с глухим, всасывающим звуком. Шломо вздрогнул, но промолчал. Он уже начинал привыкать к тому, что в присутствии Моры предметы иногда ведут себя... самостоятельно.

Внутри было темно. Окна занавешены плотной тканью в два слоя.

Шломо тем временем шарил глазами по комнате — по привычке человека, который всегда ищет, чем поживиться и куда сбежать. Взгляд зацепился за угол у печи. Там на низенькой скамеечке, лежала тряпичная кукла. Простая — мочало да лоскут, вместо глаз — две чёрные бусины. Сидела она не как брошенная, а как посаженная. Ровно. Лицом к столу.

— Детей, значит, нет, — сказал Шломо.

Вдова вздрогнула. Быстро, как от холода.

— Был, — сказала она. — Один.

И так сжала передник, что побелели костяшки.

Шломо продолжал разглядывать комнату. Чисто, но бедно. Стол, две лавки, печь с потрескавшимся боком. На столе — две тарелки: одна пустая, вылизанная до блеска, во второй — застывшая молочная каша серой коркой. У печи стоял пустой стул, на спинке висела сложенная мужская рубаха.

В красном углу стояла маленькая деревянная фигурка — грубо вырезанный старичок с бородой из пакли, в островерхой шапке. Перед ним на глиняном блюдце белело молоко.

— А этот чего? Родственник? — Шломо кивнул на фигурку. — Молоко ему. А мне, между прочим, никто молока не предлагал.

— Домовой брат, — сказала Мора. — Дух очага. Его кормят, чтобы не серчал.

— Ага. А если я его не покормлю, он мне носки сожрёт?

— Он тебя сожрёт. Вместе с носками.

Шломо отступил от фигурки на шаг.

— Только не вздумай его кормить, — добавила Мора, уже отвернувшись, глядя на вдову. — Из блюдца — можно. Из рук — нельзя.

— Это почему? — Шломо ковырял в ухе.

— Потому что тогда он не домовой. Тогда он должник. Ты его нанял, он тебе должен. И он это запомнит.

— Ага, — сказал Шломо не слушая. Рассматривая краюху хлеба лежащую на столе.— Понял. Не кормить.

Вдова всё это время стояла у порога, прижавшись спиной к двери. Мора повернулась к ней.

— Рассказывай.

Вдова опустилась на лавку. Руки легли на стол ладонями вверх, как пустые чаши. Она долго молчала, и Шломо уже хотел было вставить что-нибудь — но Мора стояла неподвижно и ждала. И он промолчал.

— Он был хорошим мужем, — сказала вдова наконец. Голос её звучал глухо, будто из-под воды — Не пил. Не гулял. Руки у него были — во, как две лопаты. Он этими руками дом построил. Сам. От фундамента до конька.

Она замолчала, разглядывая свои ладони, будто видела в них что-то, чего не видели другие.

— Он смеялся редко, но если смеялся — стены дрожали. Помню, на ярмарке в Нижних Топях КикимОр ему погадать предложил, а он говорит: «Я свою судьбу вот этими руками выстрогал, сынок, отойди». И ведь правду сказал. Всё, что у нас было, — его рук дело. Стол этот. Печь. Крыша над головой.

Вдова сглотнула. Руки её замерли на столе.

— В тот день он пошёл проверять верши на болоте. Тело нашли не сразу. Четыре дня искали. Я эти четыре дня... — она замолчала, подыскивая слово, — я их не помню. Как будто меня само́й не было.

Она подняла глаза на Мору. В них стояли слёзы.

— Похоронили по обряду. Всё честь по чести. Отпевали. Священник сказал: упокоился. Но он не упокоился. Каждую ночь приходит. Стоит у окна. Мокрый. Смотрит. И стучит. Я не сплю уже месяц. Я думала — он злится. Я думала — он пришёл за мной.

Она всхлипнула.

— А теперь я думаю: он просто не может уйти. Потому что я его не отпустила. Я всё ещё жду его. Каждый вечер ставлю вторую тарелку. Каждое утро вешаю его рубаху у печи. Я разговариваю с его кольцом.

Она разжала кулак. На ладони лежал простой золотой ободок, стёртый на внутренней стороне.

— Забери его, — прошептала она. — Отпусти. Пусть он уйдёт. Я больше не могу.

Мора взяла кольцо. Оно было тёплым.

— Ты уверена? — спросила она. — Если я проведу обряд, он уйдёт навсегда. Ты больше никогда его не увидишь.

Вдова закрыла лицо руками. Плечи её задрожали.

— Да, — выдохнула она. — Я готова.

До заката было ещё далеко. Они нашли место у воды: старый перевёрнутый чёлн, наполовину вросший в землю, поросший мхом и мелкими жёлтыми цветами, названия которых Шломо не знал. Он скинул платье, плюхнулся на тёплое дерево, свесил босые ноги и принялся обмахиваться лопухом.

Мора сидела рядом на корточках. Перед ней на траве уже лежали три чёрные свечи, костяной нож и пучок сухой травы, перевязанный красной нитью. Она раскладывала их медленно, ритуально — каждую вещь на своё место, как на невидимом алтаре. Пальцы двигались беззвучно, точно, будто она делала это сотню раз.

Шломо наблюдал за ней краем глаза. Потом не выдержал.

— Ну что, ведьма. Справишься?

Мора поправила свечу, сдвинула на волосок левее.

— Я думаю, справлюсь.

Тишина. Шломо перестал махать лопухом.

— Что значит — «думаю»? — переспросил он медленно. — Ты что, ни разу этого не делала?

— Нет, конечно. — Мора пожала плечом, не поднимая глаз. — Всегда всё бывает в первый раз.

Шломо вскочил с чёлна так резко, что лопух улетел в болото. Тот покружился на воде и медленно поплыл к трясине.

— Я хочу обратно в карету! — запричитал он, всплеснув руками. — В карету! Там тепло! Там сухо! Там нет мокрых мужиков и ведьм-самоучек!

Мора тем временем продолжала раскладывать предметы на траве, каждый на своё место, как на невидимом алтаре. Даже не обернулась.

— Всё будет хорошо, — сказала она ровно.

— Хорошо?! — Шломо подскочил к ней и встал над душой, уперев руки в бока. — Ты никогда не делала обряд, ты сидишь тут, раскладываешь палочки-свечки, такая вся из себя, а сама...

— Это как в таверну зайти с рыцарями, в которых ты камни кидал.

Шломо осёкся. Нахмурился. Лицо его сморщилось, как сушёное яблоко.

— Они обрызгали меня. Проехали мимо на лошадях, окатили грязью из лужи, и даже не извинились. Ну я и стал кидаться камнями. Как-то даже метко, чего сам не ожидал. Попал по ним несколько раз. — Он вздохнул. — А потом бежал. Очень быстро. У меня талант.

— Вот видишь. — Мора наконец подняла глаза. — Тогда ты не знал, чем кончится. Но ты бросил камень. И попал. И здесь — то же самое.

— Здесь не то же самое! — Шломо снова всплеснул руками. — Там были рыцари. Живые. С ними можно договориться. Или спрятаться в бочку. А здесь — мертвец! Мокрый! Который приходит каждую ночь и смотрит! И ты говоришь мне: «Всё будет хорошо»?!

— Ты боишься, — сказала Мора спокойно. — Тебя можно понять.

— Я не боюсь! Я в ужасе! Это разные вещи! — Он забегал туда-сюда по берегу, утаптывая мох. — Ты вообще не умеешь успокаивать! Ох, беда бедовая... Угораздило же идти изгонять духа с ведьмой-самоучкой!

— Шломо.

— Что — Шломо?! Шломо хочет жить! Шломо ещё даже не обедал толком! Шломо...

— Шломо. — Она поднялась, отряхнула траву с колен. — Посмотри на меня.

Он остановился. Повернулся. Она стояла над ним — высокая, прямая, — и на фоне болотного тумана казалась вырезанной из тёмного дерева.

Не паникуй раньше времени. Обычно эти духи безобидные. Он скучает по своей жене и не может быть без неё даже по ту сторону.

— Безобидные? — Шломо недоверчиво прищурился. — Мокрый мужик, который стоит у окна и стучит, — это, по-твоему, безобидный?

— Он просто любит её.

Шломо постоял, подышал, потоптался на месте. Потом плюхнулся обратно на чёлн и буркнул:

— Ладно, — прохрипел он, отводя глаза. — Давай просто... сделаем это. Изгоним мокрого. Пока он нас всех тут не залюбил до смерти и доедем уже наконец до другой деревни, чтобы мог пойти своей дорогой.

Мора кивнула. Солнце коснулось верхушек сосен.

— Пора, — сказала она.

Шломо натянул платье, одёрнул подол и засеменил следом.

Когда они вернулись к дому вдовы, деревня замерла — ни огня, ни голоса, только туман, крадущийся вдоль плетней. Небо над болотом наливалось угольно-серым, и туман, что весь день прятался в низинах, поднялся в полный рост.

Вдова сидела у стола в той же позе, что и днём.

Мора достала из сумки три чёрные свечи — тонкие, витые, пахнущие воском и чем-то горьким, как полынь. Она поставила их в ряд на стол. Зажгла одну от другой — медленно, давая каждому фитилю разгореться ровным, уверенным пламенем. Огонь был не жёлтым — белым, почти лунным. После положила кольцо между ними.

Шломо наблюдал за этим из угла, куда его загнала неловкость. Он всё ещё мялся у косяка, делая вид, что он — предмет интерьера. Но глаза его бегали по комнате и, как всегда, зацепились за съестное. На столе, рядом с тарелкой застывшей каши, лежала краюха чёрного хлеба — та самая, которую он заметил ещё днём. Пока Мора была занята свечами, а вдова неотрывно смотрела на кольцо, Шломо бесшумно, как кот, скользнул к столу, сгрёб краюху и сунул за пазуху. Жест был машинальным — он всегда таскал еду про запас, потому что жизнь научила: никогда не знаешь, когда поешь в следующий раз. Платье скрыло добычу.

Мора обернулась. Шломо уже стоял у двери с самым невинным видом.

— Теперь слушайте, — сказала Мора. Голос её был низким и ровным, но в нём появилась тяжесть, которой не было днём. — Обряд начнётся, когда я коснусь стекла. До этого — ни звука. После этого — тоже ни звука. Ты, — Яга посмотрела на вдову, — сиди у печи и молчи. Что бы ты ни увидела. Если закричишь — порог сломается. Ну а ты, — она перевела взгляд на Шломо, — стоишь у двери и молчишь. Не шутишь. Не комментируешь. Не дышишь громко.

— Я вообще дышать перестану, — заверил Шломо. — У меня опыт. Я как-то притворялся мёртвым три часа. Даже мухи поверили.

— Шломо.

— Молчу. Уже молчу.

Мора указала на свечи.

— Их три. Пока они горят ровно — дух спокоен. Он слушает. Он принимает обряд. Если пламя заколеблется — он начинает гневаться. Если погаснет одна свеча — он пытается прорваться. Если погаснут две — он уже на пороге. — Она помолчала. — Если погаснут все три — он вышел из Нави в Явь. Порог сломан. Я его больше не удержу.

— А если... — Шломо сглотнул. — Если кто-то другой его удержит?

Мора посмотрела на него. Долго.

— Тогда, — сказала она, — я буду очень удивлена.

Вдова кивнула, не отрывая глаз от свечей. Шломо сглотнул и кивнул тоже.

Мора села у окна, положив левую руку на подоконник, и стала ждать.

В полночь он пришёл.

Стекло запотело. Медленно, изнутри, будто кто-то дышал на него с той стороны. Капля побежала вниз. За ней вторая. Третья.

Потом за стеклом проступила фигура.

Высокая. Плечи широкие, как у человека, который всю жизнь таскал брёвна. Руки длинные, чуть длиннее, чем должны быть у живого. Одежда обвисла тёмными складками — тяжёлая, мокрая, прилипшая к телу. Там, где она касалась подоконника, оставалась вода. Много воды. Она стекала по раме и капала на пол.

Вдова зажала рот рукой. Глаза её расширились, но она не издала ни звука. Свечи горели ровно — три белых лепестка, не дрогнувших в неподвижном воздухе.

Мора поднялась. Медленно. Стянула левую перчатку. Костяные пальцы засветились — тускло, молочно, как гнилушка в темноте. Она подняла руку и коснулась стекла.

И по стеклу побежал иней. От точки касания в стороны брызнули ледяные узоры. Стекло запело тонким, едва слышным звоном.

— Три порога между нами: Первый — плоть, что стала илом. Второй — имя, что забыто. Третий — кольцо, что снято с пальца

Заклинание ложилось, как лёд на воду. Стекло пело. Свечи горели ровно.

Вдалеке, у дальнего окна, стал приближаться второй силуэт

Шломо заметил его первым. Маленькая фигура. Почти ребёнок. Он двигался не так, как первый мертвец, — не плыл, а полз. Рывками. Дёргано.

Средняя свеча мигнула.

— Мора... — выдохнул Шломо, забыв обо всём.

Вдова обернулась к окну. Её лицо побелело.

— Ивка... — прошептала она одними губами.

Вторая свеча погасла.

Тьма стала гуще. Не той тьмой, что за окном, а другой — плотной, как войлок, что падала с потолка и липла к коже.

Мора пошатнулась. Её левая рука дрожала, но не отпускала стекло. Костяной палец — указательный — треснул. Тонкая чёрная линия побежала от сустава к кончику. Мора не вскрикнула. Только задышала глубже. Резче.

— Шломо, — сказала она не оборачиваясь. — Что бы ни случилось — не подходи.

— Я и не... — начал он.

Третья свеча погасла.

— Женщина! — прошипел Шломо. — У тебя кто-то ещё утонул?!

Вдова зарыдала — Она бросилась к окну. Не к тому где стояла Мора — мимо неё, к стеклу, к маленькой фигуре за ним.

— Нет! — кричала она. — Нет, не трогайте его! Это мой сын! Это мой мальчик! Я не хочу, чтобы он уходил!

— Ты знала, — сказала она не оборачиваясь. Голос был ледяным. — Ты знала, что их двое. Ты солгала.

— Я не могла! — Вдова стояла у окна, прижав ладони к стеклу с той стороны, где по ту сторону стоял её сын. — Я не могла его отпустить! Муж — да, муж пусть уходит, он поймёт... Но Ивка! Он маленький! Ему там холодно! Ему страшно! Я хотела... я хотела видеть его. Я звала его. А пришёл муж и остался. А сегодня... сегодня они оба. Я не знала, что Ивка тоже здесь. Но теперь, когда он пришёл, я не могу...

Остальные свечи погасли.

Тьма упала на комнату, как топор. Только левая рука Моры светилась — тускло, молочно. И в этом свете все увидели, что около вдовы, стоит кто-то маленький. Мокрый. С чёрной водой, текущей по половицам.

Ивка.

Он не нападал. Он просто стоял и смотрел на мать. И вдова, рыдая, опустилась перед ним на колени, протянув к нему руки.

— Мой мальчик, — шептала она. — Мой родной. Мама здесь. Мама тебя не отпустит.

А за окном первый мертвец — муж, отец — качнулся вперёд. Трещины в стекле пошли хаосом. Вода хлынула в комнату. Мора держала порог, но силы уходили.

— Заклинаю тебя: водой, что забрала, землёй, что не держит, огнём, что погас. Возвращаю плату. Забираю память. Уходи. В Навь. Без оглядки! — выкрикивала Мора, и голос её ломался, как лёд под сапогом.

И тогда Шломо, который всё это время стоял у двери, сжимая за пазухой украденную краюху, рванулся вперёд. Он видел, как вдова обнимает воздух, в котором стоит её мёртвый сын. Видел, как Мора дрожит, удерживая порог. Как вода заливает пол

— А ну изыди!— Заорал Шломо и швырнул хлеб в окно — но кусок отлетел от стекла, туда, где в темноте угадывался силуэт Домового брата.

Хлеб ударился о фигурку. Блюдце звякнуло, раскололось. Молоко выплеснулось — белое по чёрному, как снег на уголь.

Шломо замер. Рука ещё висела в воздухе, растопыренная, как у куклы.

— Я... я в окно кидал, — прошептал он.

И из угла выметнулась тень.

Маленькая. Бородатая. С палкой в руке. Быстрее, чем глаз успевал уследить.

Она метнулась не к окну — к вдове. К тому месту, где стоял Ивка. Палка свистнула. Раздался треск — сухой, короткий, как будто сломали толстую ветку.

Ивка исчез. Не растаял — его выдернули. Как щенка за шкирку, которого тащат от чужого стола.

Вдова закричала. Протянула руки в пустоту, в которой только что стоял её сын. И рухнула на пол.

А тень уже развернулась. Теперь — к окну. К мужу.

Мора не стала ждать. Костяная рука вцепилась в подоконник, и голос её поднялся — высокий, ломкий:

— ...уйди в тень, уйди в топь, уйди в те воды, что тебя приняли. Не возвращайся.

Первый мертвец отступил. В провалах, где были глаза, мелькнуло что-то почти человеческое, он посмотрел на жену, лежащую на полу, и растаял, как туман на рассвете.

Стекло стало целым. Вода замёрзла и треснула ледяными иглами.

Мора опустилась на подоконник. Её лицо было белым, как тот иней на стекле. Правая рука дрожала. Левую она держала на весу — и Шломо увидел: указательный палец, тот самый, что коснулся стекла, был надломлен. Не сломан до конца — надломлен. Чёрная трещина шла от сустава к кончику, как трещина на льду.

— Заживёт, — сказала Мора. И натянула перчатку.

Рука не слушалась. Она дёрнула перчатку второй раз. Третий.

Вдова лежала на полу и плакала. Тихо, без голоса. Она не кричала больше.

— Ты знала, — повторила Мора, не глядя на неё. Заканчивая с перчаткой — Ты делала обряд вызова на сына и не сказала мне. Ты хотела оставить его?

— Да, — прошептала вдова. — Хотела. Я не могла иначе. Он моя душа. Как мне жить без него?

Мора встала, подняла кольцо со стола и положила в сумку.

— Если он будет находиться в Яви слишком долго, он перестанет быть твоим сыном и погубит тебя.

Яга вышла не оборачиваясь. Шломо, подобрав подол, засеменил следом.

Туман, ночной хозяин, отступал в низины, сворачиваясь клубами под корнями сосен.

Шломо шагал за Морой, перепрыгивая через корни. Платье он наконец снял и нёс в руках, как трофей. Ботинки шлёпали по мягкому мху. Настроение было странное — нерадостное, не мрачное. Задумчивое. Он всё ещё прокручивал в голове прошедшую ночь.

— Я только что нанял домового? — спросил он сипло. — Хлебом?

— Можно и так сказать, — Мора посмотрела на него. — Ты дал ему еду в момент, когда дому угрожала опасность. Он принял плату и вмешался.

— Мой хлеб всех спас?

— Хлеб был не твой. Ты его стащил.

— Я не стащил! Я... позаимствовал. Для благого дела. — Он помолчал — получается , нас всех спас мой голод.

Мора шла впереди — прямая, как всегда. Но её плечи были чуть выше обычного. — правой рукой она срывала листочки с деревьев, крутила в руке, после выкидывала. Шломо заметил это, потому что сам так делал, когда ему было не по себе.

Он догнал её, пошёл рядом. Молчал ещё шагов двадцать. Потом не выдержал:

— Ты злишься.

— Нет, — ответила Мора, не глядя на него.

— Ага. Конечно. Я также листочки рву. Когда переживаю

Она не ответила.

— Слушай, — Шломо перепрыгнул через корень и чуть не упал, — ну сорвалось. Ну не всё пошло как надо. С кем не бывает. В первый раз, как ты говорила.

— Я говорила не про это.

— А про что?

Мора остановилась. Не резко — просто перестала идти. Шломо по инерции сделал ещё два шага и обернулся.

— Я должна была понять. Вторая тарелка. Каша. Не для мужа. Для сына. Муж пришёл за сыном — забрать его.

— Ну... — Шломо потёр затылок. — Ты не всезнающая. Ты, конечно, ведьма, но не пророк.

— Я Яга. — Мора посмотрела на свою левую руку. — Моя мать входила в Навь и выходила обратно, как в собственную кладовую. Она изгоняла пятерых за ночь. Она видела ложь насквозь. А я...

— А ты справилась, — перебил Шломо. — Ты удержала порог. Ты завершила заклинание. Ты отправила мужа. А сына... ну, сына отправил домовой. Но это тоже считается. Мы команда. Ты и я. И домовой. И хлеб.

— Она была бы разочарована, — сказала Мора тихо. — Моя мать. Если бы увидела это.

Шломо замолчал. Он вдруг понял, что она говорит не о технике и не о магии.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Я твою мать не видел. Но ты пришла в чужую деревню, к чужой женщине, влезла в историю, которая была втрое сложнее, чем казалось, и вытащила нас всех. Да, не сама. Да, с моей помощью. Но ты вытащила. Мне кажется... — Он запнулся. — Мне кажется, это как раз то, чем можно гордиться.

Мора посмотрела на него. Долго. Серые глаза были холодными, как всегда.

— Ты странный утешитель, Шломо.

— Какой есть. — Он развёл руками

— А вот свечи. Ты сказала: если гаснут все три — он выходит из Нави. И он вышел. Я видел. Он стоял около матери. И ты его не остановила.

— Да, — сказала Мора, идя впереди. — Не остановила.

— А что бы было, если бы я не бросил хлеб?

— Он бы забрал Мать. Мёртвые, которые выходят из Нави сами, не прощаются.

Шломо сглотнул.

— Забирают — это как? В болото?

— В Навь. С собой.

Некоторое время они шли молча. Потом Шломо сказал тише:

— Но ты стояла рядом с ними. Ты же могла...

— Я держала порог для мужа. Если бы я отпустила окно, в доме были бы оба. — Мора помолчала. — Иногда выбор не в том, чтобы спасти всех. Иногда — в том, чтобы потерять одного, а не троих.

— Но ты не потеряла.

— Потому что ты бросил хлеб.

Шломо хотел ответить что-то остроумное, но просто кивнул.

Когда они вышли на поляну, карета уже стояла — и была запряжена.

Шломо замер. Две чёрные лошади, те самые, с гривами до земли, спокойно стояли в упряжи. Постромки натянуты, вожжи на козлах.

— Они что, сами себя запрягли? — выдохнул он.

— Пока нас не было, — сказала Мора, подходя к передку. — Залезай.

Шломо подпрыгнул, ухватился за край козел и, болтая ногами, вскарабкался наверх. Один башмак соскочил и шлёпнулся в траву, но он сделал вид, что так и надо. Мора молча подобрала ботинок и протянула карлику

— Спасибо — он быстро улыбнулся и стал одевать его обратно.

Лес расступился, открывая старый тракт с колеями, полными стоячей воды. Солнце поднялось выше, и мир стал ярким, почти игрушечным: зелёный мох, жёлтые лютики на обочине, синие стрекозы над лужами. Ветер приносил запах смолы и дикой мяты.

Шломо долго молчал. Потом сказал:

— Куда ты вообще едешь?

Мора не отрывая взгляда от дороги. Вожжи лежали в её руке свободно, лошади шли сами.

— На Север

— Это я понял. Север — он большой. Что там, на севере?

Тишина, только скрип колёс повозки. Шломо уже решил, что ответа не будет, когда Мора заговорила:

— Я не знаю, что там. — Мора помолчала. — Мне снится сон. Каждую ночь. Кто-то с костяной рукой зовёт меня. И я просыпаюсь с её голосом в ушах.

Шломо перестал ковырять грязь на кинжале. Поднял голову.

— Так ты... не последняя?

— Не знаю. Поэтому и еду.

Шломо вздохнул, откинулся на спинку козел и уставился в небо. — Значит, ищешь сестру с костяной рукой. Ну, хоть какая-то определённость. А то я уж думал, ты просто так катаешься.

Глава 3 : Провожатый

Утро выдалось ясное и тихое. Солнце только поднялось над холмами, и трава ещё блестела от росы.

Шломо сидел на козлах, свесив ноги, и смотрел, как тракт разворачивается впереди — серый, пыльный, уходящий к горизонту. Мора сидела рядом, держала поводья легко, почти нежно, будто не правила лошадьми, а просто отдыхала. Карета мягко катилась по дороге.

— Вот это всё, — Шломо обвёл рукой холмы, едва не кувыркнувшись назад, — ещё Велесье. Самое сердце. Здесь живут по старинке. Волхвы в лесах, ведуньи у болот, старые боги в капищах. Каждый молится тому, кому хочет.

Мора слушала молча. Солнце било ей в глаза, она чуть щурилась, но не отворачивалась. Шломо сегодня был непривычно спокоен, говорил без обычной трескотни, будто дорога сама вытягивала из него слова.

— А там, — он кивнул вперёд, — река Тихвица. Знаешь, как у нас говорят? «Дальше Тихвицы — не земля, а сказка». Потому что за рекой уже Чаромошь. Громадное болото. Людей нет, одни КикимОры. У них свои законы. Соль не предлагай, железо не показывай, в грязь не падай — засосёт. А так — почти курорт.

— Ты там был? — спросила Мора.

— Да, бывал. — Шломо улыбнулся. — Меня там любят.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль, в ещё не видимую отсюда Чаромошь.

— Я, это… в Чаромоши и сойду. Чего мне на север? Там холодно, люди чужие. А тут — болото, тишина, друзья. Все меня любят и покойников нету

— Ты сам решаешь, где тебе быть, — сказала Мора, не сводя взгляда с дороги — Я не держу.

Шломо кивнул. И вдруг понял, что от этих слов ему стало не легче, а наоборот. Может, он ждал, что она возразит. Или хотя бы помедлит. Но Мора сказала ровно то, что сказала, — и в этом была её правда. А правда, как известно, утешает редко. Слова застряли в горле, как кость.

Чтобы не молчать, он заговорил снова — уже о другом.

— Будешь в Миране — загляни на рынок, он самый большой на всём Белогорье. Туда стекаются все: купцы, наёмники, беглые, бывшие. Миран — это уже другое царство, всем без разницы, кто ты. Лишь бы платила. Там можно затеряться. Или найти то, что ищешь. Или потерять всё. Я там был. Один раз.

Он помолчал. Копыта стучали по сухой дороге, карета покачивалась.

— А за Мираном…

— Нет, — отрезала Мора — Моя мать говорила: «Дальше Мирана — смерть для Яги»

Шломо сглотнул. Ему вдруг стало холодно, хотя солнце поднялось уже высоко.

Тракт пошёл под уклон, и впереди, за полосой ивняка, открылась река. Широкая, медленная, с маслянистым блеском на стремнине. На другом берегу стеной стоял лес с высоким камышом.

Моста не было. Только серые сваи торчали из воды, как гнилые зубы.

Мора натянула поводья. Карета встала.

Шломо приподнялся на козлах, всмотрелся и выдохнул:

— Ну вот. Мост — тю-тю, видимо, совсем развалился.

Ведьма спрыгнула на землю, подошла к воде. Шломо слез следом, разминая затёкшие ноги.

— И что теперь? — спросил он, оглядывая берег. — Лодки нет. Мост — сама видишь.

— Вижу.

— И что будем делать?

Мора оглянулась по сторонам и увидела еле видную тропинку, уводящую в чащу.

— Искать того, кто нас перевезёт — Мора двинулась к лесу

— Думаешь, такой тут есть? — карлик вздохнул и шагнул в траву в свой рост, идя по следам Яги.

— Должен быть. Река живая. Кто-то да перевозит.

Они шли вдоль берега. Тропинка была едва заметной — утоптанная трава, примятый мох. Она уводила в сторону от тракта, в заросли ивняка. Через сотню шагов на поляне показалась хижина.

Она была старой, приземистой. Крыша поросла мхом. У двери стояла пустая собачья миска. Собаки не было. Рядом, прислонённый к стене, лежал длинный шест, отполированный до блеска.

— Здесь, — сказала Мора.

Она постучала. Дверь открылась не сразу — сперва за ней что-то зашуршало, потом звякнуло, потом раздался голос:

— Открыто.

Внутри было темно и тесно. Пахло сушёными травами, старой кожей и речной водой. У стены стояла лежанка, застеленная лоскутным одеялом. На столе горела сальная свеча, и в её неровном свете Шломо разглядел старика.

Он сидел у окна, на лавке, и держал в руках кружку. Обветренное лицо, седая щетина, руки в узлах вен. Одет был в рубаху, штопаную столько раз, что живой ткани в ней почти не осталось. Увидев Мору, он не удивился. Только перевёл взгляд с кружки на неё. Задержался на левой руке в перчатке.

— Яга-а-а, — сказал он протяжно. — Я думал, вас уже всех перебили.

— Они тоже так думают.

Старик кивнул, будто этот ответ его устраивал. Шломо протиснулся в дверь и встал за спиной Моры.

— Ты, значится, паромщик? — спросил из-за спины карлик.

— Паромщик.

— Нам надо в Чаромошь, — сказала Мора. — Перевезёшь карету?

Старик не двинулся с места. Он смотрел на Мору — не на лицо, а на руку.

— Перевезу. Только помоги с рукой. Правая. Не поднимается выше плеча уже полгода. Говорят, Яги лечат одним прикосновением.

— Много что говорят, я сейчас — сказала Мора и вышла наружу.

Шломо остался со стариком в доме. Повисла неловкая тишина — из тех, которые Шломо не умел терпеть.

— Хорошая кружка, — сказал он, кивнув на руки старика.

— Глиняная.

— Я вижу. У меня была похожая. Только с отбитым краем. А эта ничего, целая.

— Тоже будет с отбитым, если не уберёшься с порога, — сказал старик, но без злобы. — Ты кто ей? Муж? Сын?

— Попутчик.

— Попутчик, — повторил старик и хмыкнул. — Это надолго.

— Думаешь?

— Я не думаю. Я вижу. Ты из тех, кто привязывается.

Шломо хотел возразить, но не нашёлся. Старик отхлебнул из кружки и добавил:

— Она далеко едет. А ты, видимо, в Чаромоши сходишь. Так?

— Так.

— Ну вот. Попутчик на полпути — это не попутчик. Это провожатый.

Шломо ничего не ответил. В дверь вошла Мора с глиняной баночкой в руках — потрескавшейся, без этикетки. Старик посмотрел на баночку, потом на Мору, и лицо его чуть вытянулось.

— Это не магия.

— Нет. Это мазь на травах.

Она села рядом с ним на лавку, открутила крышку. Запахло резко, горько — смесь полыни, мяты и чего-то ещё, незнакомого. Мора зачерпнула мазь тремя пальцами и принялась втирать старику в плечо. Движения были точными, выверенными.

Старик морщился, но терпел. Шломо стоял у двери и смотрел, как мазь впитывается в сухую, обветренную кожу.

— И часто ты так? — спросил старик. — Не магией, а вот этим?

— Магия — это плата, — сказала Мора, не переставая втирать. — Ты не хочешь платить настоящую цену. А мазь — она бесплатная.

— И помогает?

— Попробуй.

Она убрала руку. Старик осторожно поднял правую руку — выше, чем раньше. Потом ещё выше. Плечо хрустнуло, но не больно — скорее, как старая дверь, которую наконец смазали. Он удивлённо посмотрел на свою ладонь.

— Не магия, а работает.

Старик помолчал. Потом спросил:

— Ещё Яги остались?

— Нет

— Жаль. — Он помолчал. — Моя бабка говорила: пока Яга ходит — мир держится. А когда последняя сгинет — вместе с ней и мир.

Посмотрев на свечу, он добавил

— Твоя мать проезжала здесь. Давно. Лет сорок назад, может, больше. Я не помню лица. Но глаза запомнил. У неё были такие же, как у тебя. Серые. Как небо перед дождём.

Мора не отвела взгляд. Но пальцы её здоровой руки чуть сжались на баночке. Шломо заметил это.

— А мы, знаете, тоже с ней по-разному, — заговорил он, шагнув вперёд и чуть повысив голос. — Дороги, понимаете, у всех разные. Я вот в Чаромоши — у меня там друзья. КикимОры. Хорошие. Почти. А Мора дальше. У неё дела. Важные. Очень. А вы, значит, паромщик. Давно?

Старик посмотрел на него долгим взглядом, и Шломо осёкся.

— Я понял, — сказал старик. — Ты из тех, кто болтает, когда тишина становится громкой.

Шломо вздохнул и замолчал. Но старик продолжил — уже не Шломо, а самому себе, глядя на свечу:

— Конечно, я её запомнил, за всю жизнь если хоть раз Ягу встретишь, и то если повезёт. Твоя мать просто переправилась, больше я её не видел.

— Её сложно забыть, — сказала Мора задумчиво и вдруг опомнилась. — Нам пора.

Паром — широкий плот на канате — скользнул над водой. Лошади ступили на доски спокойно, без страха. Карета въехала следом.

Тихвица была неширокой здесь, у парома, но глубокой — Течение шло медленно, закручивая вокруг столбов бурые пряди водорослей. Пахло сыростью, рыбой и чем-то сладковатым — как старые цветы, брошенные в воду.

Старик стоял у шеста, упираясь им в дно, и говорил не оборачиваясь:

— Тихвица тихая, да не добрая. Много девок в ней потонуло. Невесты, которых не взяли. Вдовы, которых забыли. Им холодно там, на дне. Скучно. Вот и зовут. Услышишь голос —

не оборачивайся. Увидишь лицо в воде — не вглядывайся. Хуже нет, чем русалка, которой одиноко.

— Я это… пойду, пожалуй, вещи посторожу на карете, — сказал Шломо и на всякий случай забрался на повозку, устроившись рядом с вещами, подальше от воды.

— Только не упади, — сказала Мора, несмотря на карлика.

Старик замолчал, толкая плот дальше. Вода под досками звучала глухо. Где-то у берега всплеснуло — может, рыба, может, нет. Шломо сидел на повозке, глядя на воду, и думал о том, сколько лиц можно увидеть в тёмной реке, если долго смотреть.

Приближаясь на плоту к Чаромоши, тумана становилось всё больше.

Паромщик, стоя у шеста, заговорил снова:

— Приехали — Чаромошь. Там неспокойные нынче времена.

— Спасибо, что помогли, — сказала Мора.

Старик перевёл взгляд на Шломо, который как раз спустился с кареты.

— Ты, парень, не бойся. Русалки — не самое страшное. Самое страшное — когда прощаться не с кем.

Шломо хотел ответить, но не стал, он только кивнул — коротко, благодарно, поджав губу. Старик уже смотрел на Мору.

— Не грустись о матери, река всех перевозит, — сказал он. — Одних раньше, других позже. Но берег в конце всегда один.

Мора встретила его взгляд молча.

— Хорошей дороги, Яга.

— Прощай, паромщик.

Плот мягко стукнулся о берег. Чаромошь встречала их тишиной — влажной, тяжёлой, пахнущей торфом.

Лошади сошли первыми. Копыта чавкнули в мокрую землю — глухо, будто в войлок. Мора вела их под уздцы. Шломо шёл сзади, замыкал. Так учил один мужик в таверне. Не отец — отец умер раньше, чем Шломо успел запомнить его лицо. Но мужик говорил то же, что сказал бы отец, если бы был жив. Шломо тогда было девять. Мужик был пьяный. Но совет работал.

Чаромошь оказалась не сразу. Сначала — берег, узкий и вязкий, поросший осокой выше Шломо. Потом — тропа. Не тропа даже, а намёк: примятая трава, след чьего-то копыта, давний. Мора шла по нему не сворачивая. Она будто знала, куда идти. Или просто шла — как всегда.

Шломо молчал. Впервые за день. Не потому, что боялся — хотя боялся. Просто здесь было не до разговоров. Чаромошь не любила болтовню. Это Шломо знал. Тут каждое слово как камень в воду: круги, потом тина.

Деревья кончились. Началось болото. Не вода — земля, которая притворялась водой. Зелёная, ровная, как скатерть. И тихая. Так тихо бывает только там, где никто не хочет, чтобы его услышали.

— Здесь, — сказала Мора.

Шломо не сразу понял, что она остановилась. Он чуть не налетел на неё сзади.

— Здесь, — повторила она. — Сухо.

Он посмотрел под ноги. Действительно — сухо. Пятачок земли, поросший мхом, под старой ивой. Корни держали её над топью, как пальцы — над водой. И место под корнями было не провальное.

— Как ты нашла это место?— начал Шломо.

— Яга, — сказала Мора. Без усмешки. Просто сказала.

Шломо хмыкнул. Он хотел пошутить. Но не стал. Не здесь.

Мора распрягла лошадей. Шломо стал таскать хворост. Они не разговаривали. Каждый делал своё.

Молчание было другим, чем утром. Утром оно было между ними — неловкое, натянутое. Здесь оно было вокруг них. Чаромошь их обступила. И говорить при ней казалось... неуважением.

Костёр разгорелся не сразу. Валежник был сырой. Шипел. Дымил. Шломо подбрасывал и подбрасывал — пока огонь не зацепился и не загудел.

Тогда только он сел и заговорил.

— О чём думаешь? — спросил Шломо.

— О костре.

Шломо хмыкнул. Ждал другого. Всегда ждал другого — и всегда получал это. Короткое. Как обрубленное.

Угли треснули. Один — ярко-красный — погас.

— Она была сильная? — спросил Шломо. — Ну, мать твоя.

— Очень.

— А ты на неё похожа?

Мора не ответила. Подняла прутик, поворошила угли. Огонь лизнул прутик, обнял, отпустил. Прутик стал чёрным.

— Она говорила, что я слабее, — сказала Мора наконец. — Слишком живая. Слишком привязана к тем, кому помогаю.

— Это же хорошо.

— Для человека — да.

— Ну вот. Значит...

— Для Яги — нет.

Шломо осёкся. Открыл рот — закрыл. Понял, что не понял.

— Когда мы что-то даём, — сказала Мора, — мы что-то другое забираем.

— Например? — спросил Шломо.

— Воспоминания. Здоровье. Годы.

— Жизнь?

Мора не ответила. Шломо не стал переспрашивать. Уже понял.

Поёжился. Не от холода — от костра шло тепло, даже слишком много. От чего-то другого.

— А у той вдовы? — спросил тише. — Что ты у неё взяла?

— Самое простое.

— А именно?

— Воспоминания.

Помолчал. Потом сказал — без шутки, без обычной трескотни:

— То есть когда мы ушли, она забыла своего мужа?

— Нет. Она его помнит.

— Тогда что?

— Она помнит, что был муж. Помнит, что был сын. Но не помнит зачем. Не помнит, почему это было важно. Не помнит, как это — ждать. Как это — бояться. Как это — любить.

Шломо сглотнул.

— И что теперь?

— Теперь она живёт. Готовит. Дышит. Только внутри — пусто. Как дом, из которого вынесли всё. Стены стоят. Крыша есть. А огня нет.

— Это хуже, чем смерть.

Мора подняла на него глаза. Пламя отражалось в серых радужках — два маленьких огонька.

— Да

Шломо сглотнул. Вспомнил вдову. Как сжимала передник. Как шевелились её губы. Как смотрела на кольцо.

— Это нечестно, — сказал Шломо.

— А как я, по-твоему, знаю, где меня ждут?

— Чутьё?

— Люди делают обряд. Зовут Ягу. Сразу предлагают то, что хотят предложить. Обряд заканчивается — и каждый получает своё.

— Так она сама?..

Мора не ответила. Помешала угли. Огонь лизнул ветку, отступил, вернулся.

— У неё была другая цена, — сказала наконец.

— А стала эта.

— Обряды не любят ложь.

Шломо уставился в костёр. Вдова сама. Сама соврала. Сама заплатила. Не знал, что тут сказать. И не сказал ничего.

Огонь трещал. Филин ухнул — далеко, над болотом. Шломо подбросил ветку. Искры улетели в темноту — и погасли.

— А тебе? — спросил вдруг. — Тебе-то зачем? Ты же Яга. Ты же... не человек. Тебе зачем?

Мора долго молчала.

Смотрела в огонь. Прутик в её руке сломался — не заметила.

— Мне плата нужна, чтобы жить.

Тихо. Без интонации. Будто читала вслух то, что давно знала наизусть. Как молитву, которую читают каждый день — и не слышат слов.

— Яга не стареет, пока есть сила. Но сила уходит. С каждым обрядом. С каждым годом. С каждым днём. Если не восполнять — всё нагонит разом. И я состарюсь. В один миг. И умру.

Шломо сглотнул.

— То есть ты поэтому...

— Поэтому, — оборвала она. — Всё, что я беру, я беру не из жадности. Я беру, чтобы дышать.

Костёр стрельнул искрой. Где-то над болотом ухнул филин. Шломо подбросил ветку в огонь и проводил взглядом искры, улетающие в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.